

§9 СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МОНИТОРИНГ

Лаврентьев Д.С.

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЕМ РЕГИОНОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ

***Аннотация.** В статье оценивается роль «социальной справедливости» как политического фактора, формирующего систему социальных, политических и экономических отношений в регионе. Анализируется роль конфликтного потенциала, сформированного различиями в оценках социальной справедливости разными группами локального сообщества как инструмента социально-политического развития локальных сообществ. Проводится корреляция между самоидентификацией жителей региона по социальному, политическому и экономическому статусу и доминирующими политическими практиками. Раскрывается роль социально-политического мониторинга в системе политического менеджмента на региональном уровне. Для целей написания статьи использовались библиографические материалы отечественных и зарубежных авторов, статистические данные и результаты вторичного анализа социологической информации представленные ведущими исследовательскими центрами России. Основными выводами проведенного исследования является возможность анализа взаимосвязи между а) взглядами на социальную справедливость и динамикой политических идей между членами локального и/или регионального сообщества, б) конкуренцией/сопоставительностью взглядов и представлений о социальной справедливости, в) а также – вскрыть связь между политическими настроениями, доминирующими в обществе, вступающими в конкурентные отношения с взглядами и идеями маргинальных сообществ, способных повлиять на существующую социальную динамику и как результат: г) привести к политическим и социальными конфликтам.*

Ключевые слова: политическое прогнозирование, политическая регионалистика, регион, социальная справедливость, социальная политика, политическая борьба, политическая мобилизация, легитимность, политические институты, социологический мониторинг.

Abstract. The article gives assessment to the role of “social justice” as a political factor which composes a system of social, political, and economic relations in the region. The role of conflict potential, formed by the differences in assessments of social justice among the groups of local community, is being analyzed as an instrument of sociopolitical development of local communities. The author pursues correlation between self-identification of the residents according to social, political, and economic status, as well as between dominant political practices. The role of sociopolitical monitoring in the political management system is revealed on the regional level. The main conclusions of the conducted research consist in the ability to analyze the following correlations: a) between the views on the social justice and dynamic of political ideas amongst the members of local and/or regional community; b) competition/rivalry of opinions and ideas about the social justice; c) connection between political moods dominating in the society, and the views and ideas of marginal communities that are able to affect the existing social dynamics, and as a result, lead to political and social conflicts.

Key words: legitimacy, political mobilization, political struggle, social policy, social justice, region, political regionalism, political forecasting, political institutions, sociological monitoring.

Важное значение, для целей политического менеджмента территории, имеет система прогнозирования, упреждения и урегулирования социальных, экономических и политических конфликтов [1]. Социально-политические конфликты – это неотъемлемая, составная часть социальных (политических, экономических) отношений, возникающих в процессе взаимодействия, как отдельных групп (сообществ), так и между лидерами (элитами) этих локальных сообществ [2]. Конфликт является важнейшим регулятором социального поведения, элементом, привносящим динамику в социальную жизнь. Конфликты в социуме, в целом, могут иметь как насильственный, так и ненасильственный характер, быть деструктивными и конструктивными [3].

Примером ненасильственного конструктивного конфликта является конкуренция, которая является состязательной борьбой за ограниченные ресурсы. Как правило, ненасильственные конфликты проявляются в зоне четкого нормативного (законодательного) регулирования. В тех сферах, где нормативное регулирование отсутствует и/или его возможностей недостаточно, конфликты, как правило, приводят к насильственным действиям или,

разрешаются через купирование территории (очага) конфликта, силового решения, либо посредством мобилизацию властных (человеческих, финансовых, технических, оборонительных и ит.д.) ресурсов одной из сторон конфликта [4]. Данная теория видит причину смягчения общественных конфликтов в их переводе в ненасильственное правовое русло, то есть в институционализации конфликтов, где определяются стороны конфликта, интересы сторон, и нормативно-правовые способы разрешения противоречий.

Институционализация конфликтов началась в Западной Европе и Северной Америке в период поздней (зрелой) индустриализации (в начале и первой половине XX века) и связана с четким отделением и ориентацией на автономизацию политических и индустриальных (хозяйственных) конфликтов, в результате чего не происходило взаимного усиления и эскалации конфликтных ситуаций. С другой стороны, на Западе в это время происходило развитие системы социально-политических и экономических институтов профсоюзов, складывалась система правового регулирования забастовочного (протестного) движения, происходило расширение гражданских, политических и экономи-

**Что, в первую очередь, говорит о высоком качестве жизни в обществе?
(закрытый вопрос, любое число ответов) (опрос ВЦИОМ, www.vciom.ru)**

	1991 г.	2016 г.
Здоровье	4	55
Семья	2	51
Жилье	4	45
Социальная защищенность	2	41
Высокое материальное благосостояние	29	35
Условия труда, интересная работа	5	33
Культурный уровень	12	32
Развитие экономики	3	31
Политическая стабильность	2	27
Доброжелательность, хорошее настроение	5	27
Экология	1	26
Досуг	2	18
Политические свободы, права	5	18
Изобилие товаров	10	12
Философские рассуждения	4	6
Другое	7	1
Затрудняюсь ответить	25	6

ческих прав граждан, формировалось гражданское общество, как потенциальное дополнение существующей системе демократических прав и свобод (а в ряде случаев, выступающее как конкурент существующей социально-политической системы) [5].

Традиционно считается, что теория социального конфликта берет свое начало в марксизме. К. Маркс предложил дихотомическую модель социального конфликта, согласно которой все современное общество (общество модерна) делится на два основных класса, представляющих интересы капитала (собственников средств производства, и держателей основного капитала) и наемных рабочих (продавцов труда, навыков, знаний, опыта и т.д.) [6]. В дальнейшем теория социальных (политических) конфликтов в середине XX века нашла свое продолжение в трудах неомарксистов: Р. Дарендорфа [4], Г. Маркузе [7], Д. Локвуд расширил понимание конфликта, разработав понятия системного и социального конфликтов [8].

Опыт анализа политических, социальных, экономических конфликтов в России и на Западе (в конкретных локальных сообществах) зависит от структурных и функциональных характеристик самой системы политической власти, потребностей будущего политического развития общества, состояния существующей идеологии,

наличия устойчивых традиций и особенностей политической культуры.

Политическая конфликтность в России определяется влиянием существующих исторических и политических традиций, доминирующих норм морали и политических взглядов, артикулируемых в СМИ, привычек политического и социального поведения граждан и стереотипов массового сознания. Ключевое значение при этом имеют механизмы и способы, распространенные представления о социальной справедливости и о возможных путях ее достижения [9].

При этом значимым фактором формирования конфликтного потенциала является сама структура социальных приоритетов населения. Результаты исследований показывают, что за последние 25 лет, структура социальных притязаний, и соответственно представлений о качестве жизни претерпела существенные изменения.

На первый план в настоящее время выходят притязания связанные с качеством жизни (здоровье, наличие семьи, жилья, уровня социальной и материального благополучия), а факторы, связанные с реализацией социально-политического потенциала индивида отходят на второй план.

Все эти факторы проявляются как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. На межличностном уровне важнейшим фактором является доминирование в существующей

системе ценностей людей коллективизма или индивидуализма. Традиционно в российской культуре для каждой личности важно чувство единения с другими людьми, поддержки социальных групп. В политическом контексте это находит отражение в стремлении к равенству и к соборным (общественным) формам взаимоотношений, что, как правило, проявляется в эгалитаризме [10], ощущению себя полноценной «единицей» локального сообщества, ощущающем свои права и свободы, и умением этими свободами пользоваться.

Так в частности, опираясь на исследования проведенные ВЦИОМ в 2016 году, по сравнению предыдущими десятилетиями можно констатировать, что ощущение свободы (в широком понимании) ощущает почти половина жителей страны.

Таблица 2.

«Чувствуете ли Вы себя в нашем обществе свободным человеком или нет? (закрытый вопрос, один ответ)

	1991 г.	2000 г.	2016 г.
Да	21	23	45
Скорее да	19	34	26
Скорее нет	22	22	14
Нет	25	15	12
Затрудняюсь ответить	12	6	3

Однако, необходимо признать, что для современного российского общества характерны не только особенные формы протекания межличностных и межгрупповых конфликтов, но и длющийся в течение длительного исторического времени системный конфликт. Этот системный конфликт связан с противоречиями между возрастающей сложностью социальной жизни, системой социальных и экономических отношений, которые накоплены культурой сообщества, традиционными или даже архаичными нравственными основаниями социальной деятельности. Данное противоречие находит достаточно адекватное отражение в работах по депривационному анализу социально-политических отношений внутри региональных сообществ, в том числе проводимых российскими коллегами [11].

В частности, А. Ахиезер пишет: «Сложность воспроизводственной деятельности заключается в том, что в обществе постоянно возникают

противоречия между социальными отношениями и культурой, то есть социокультурные противоречия. ... Эти противоречия проявляются в конфликтах между исторически сложившимися программами и инновациями, которые их изменяют, между сложившимися и новыми социальными отношениями, что в конечном итоге обуславливается противоречиями внутри воспроизводственной деятельности» [12,с.56-57].

Таким образом, «системный конфликт в российском обществе – это результат различного отношения групп к социальным изменениям, к вызовам истории. Это – результат незавершенной, рецидивирующей модернизации» [13].

Для российского общества характерно достаточно длительное в историческом плане существование системных противоречий, и это свидетельство того, что общество не столько пытается его преодолеть, сколько приспосабливается к нему. Как правило, в российском обществе конфликты носят затяжной и неконструктивный характер, приводят к формированию так называемой «промежуточной цивилизации», «застывшей» между традиционным и современным состоянием; это состояние некоторыми авторами называется также «абортивной модернизацией» [14].

В настоящее время, по мнению экспертов, в России сформировался определенный социально-нравственный и культурный тип общественного устройства, который характеризуется соборностью, патернализмом, склонностью к коллективизму. Данный культурный тип является основанным на бинарных структурах и сегодня определяет массовые интерпретации социальной справедливости/ несправедливости [15]. Бинарные культуры жестко иерархичны, безальтернативны, направлены на сохранение и стабилизацию существующего порядка; в них отсутствуют культура и модели поведения, направленные на диалог, поиск договоренностей, на горизонтальное партнерство.

В свою очередь, патернализм в России продолжает оставаться составной частью не только политики, но и повседневной культуры, он считается социально и этически справедливым, даже, несмотря на то, что в существующих социально-экономических, политических и историко-культурологич-

ческих отношениях внутри- и между локальными сообществами проявляется асимметричность. В частности, субъекты соглашаются с тем, что не может существовать принципиального равенства социальных позиций (иерархий) и равенства (партнерства) в отношениях, при этом апеллируя к «высшей» справедливости/правде, связанной с сохранением и упрочением установленного социально-исторического порядка. Показательным является распределение ответов на вопрос об удовлетворенностью социальным статусом внутри локального территориального сообщества.

Таблица 3.

Насколько Вы довольны или недовольны положением, которое занимаете в обществе? (закрытый вопрос, один ответ) (www.vciom.ru)

	1991 г.*	2000 г.	2005** г.	2016 г.
Полностью доволен	38	21	18	35
Скорее доволен	30	36	38	44
Скорее недоволен	13	26	30	10
Полностью не доволен	4	10	8	4
Затрудняюсь ответить	15	7	6	6

*В 1991 г. массовый опрос проходил по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения от 16 лет, объем выборки – 1255 респондента.

** В 2005 году вопрос звучал так: Насколько Вы удовлетворены следующими сторонами своей жизни? Ваш социальный статус, положение в обществе.

Необходимо отметить, что представления о справедливости или несправедливости в социальной, политической и экономической жизни является важнейшим фактором, способным спровоцировать социальные конфликты и часто вызывающие политические противостояния и политические конфликтные ситуации.

Социальная справедливость/несправедливость сегодня в массовых представлениях тесно связана с состоянием дел в конкретном регионе, городе, поселении, отдельном локальном сообществе. Проблема выравнивания уровня экономического развития территорий в Российской Федерации, несмотря на принимаемые федеральными и региональными властями усилия, продолжает оставаться основной темой в политической повестке дня.

В настоящее время из большинства субъектов РФ «донорами» являются только 2 – это

Москва и Санкт-Петербург, остальные регионы – дотационные, несмотря на свой промышленный, ресурсный, кадровый и интеллектуальный потенциал. Значительная часть жителей России воспринимает данную ситуацию как несправедливую, считая экономическую (и связанную с ней политическую и социальную) асимметрию результатом сложившихся политических и социально-экономических практик.

Опросы, проведенные ведущими всероссийскими социологическими центрами, показывают, что в большинстве своем граждане России считают российское общество несправедливым – по крайней мере, менее справедливым, чем советское общество [16].

Успешность социально-экономической политики в регионах, а также снижение напряженности и уменьшение социальных конфликтов тесно связано с состоянием публичной политики. В частности, Л. Никовская и В. Якимец с помощью эмпирических исследований показали тесную связь массовых представлений о социальной несправедливости с отсутствием реальной публичной политики [17, с.224-236].

Проведенные исследования также демонстрируют зависимость оценок социальной справедливости от региона, типа населенных пунктов, в которых живут респонденты, и структуры локального сообщества. В частности, люди, проживающие в Москве, более лояльно оценивают социальные неравенства, чем те, что проживают в сельской местности и в малых городах (см. табл. 4).

Таким образом, можно сделать вывод, что в целом по стране люди склонны оценивать справедливость как уравнищность, но в значительной мере это выражено в малых городах и на селе. «Неприятие неравенств на селе, в общем-то понятно. Его можно проследить еще от традиций сельской общины, сохранявшейся в России вплоть до 1920-х годов. Всех, кто пытался выделиться из общей массы, эта община подавляла или выталкивала за свои пределы – в города, в Сибирь, в Америку и др. В советский период общинные традиции трансформировались, но не исчезли, поскольку действовала официальная идеологическая установка на формирование всеобщего равенства» [18, с.258].

Таблица 4.

Оценки справедливости существования неравенства между людьми (%) [18, с.256-257]

Тип населенного пункта	Справедливо, когда все люди живут примерно одинаково	Справедливо, когда все люди живут по-разному	Итого
Столица (Москва)	75,2	24,8	100
Региональный центр	79,9	20,3	100
Районный центр	80,3	19,7	100
Сельское поселение	91,8	8,2	100
В целом	81,5	18,5	100

Таблица 5.

Оценки возможности достижения справедливости в российском обществе (%) [18, с.264]

Тип населенного пункта	Достижение справедливости возможно, хотя бы в отдаленном будущем	Достижение справедливости невозможно в принципе	Итого
Столица (Москва)	62,9	37,1	100
Города – региональные центры	72	28	100
Районные центры	69,2	30,8	100
Сельские поселения	47,2	52,8	100
В среднем	64	36	100

Таким образом, в малых городах и сельских поселениях по настоящее время наблюдается специфическое представление о социальной справедливости, основанное на ориентации на уравниательство как возможностей, ресурсов, так и способов их реализации.

Не менее важный вопрос в системе политического менеджмента локальных территорий (регионов) – о принципиальной достижимости социальной справедливости. Опираясь на результаты исследований, можно констатировать, что большая часть жителей столицы (мегаполисов) полагает возможность достижения справедливости в российском обществе в отдаленном будущем; в это же время жители малых городов и поселков настроены менее оптимистично. Если в Москве почти 63% респондентов считало, что достижение справедливости возможно (и 37% – что невозможно), то в сельских поселениях «социальных оптимистов» лишь 47%, а пессимистов – 52% (См. Табл.5).

При этом необходимо отдельно подчеркнуть, что жители столицы и крупных городов более часто сталкиваются с несправедливостью по отношению к себе, но при этом имеют больше возможностей (прямых и потенциальных) по устранению несправедливости.

Таким образом, данные показывают, что представления о социальной справедливости или несправедливости не носят в сообществах

гомогенный характер. Они существенно дифференцированы в различных регионах, социальных группах и слоях, а также – на международном и межрегиональном уровне. На представления людей о социальной справедливости влияют экономические и демографические факторы, а также социальные и культурные особенности.

Для целей упреждения, купирования и разрешения социально-политических конфликтов в российском обществе (и его отдельных, локальных сообществ) на основе оценки доминирующих идей о социальной справедливости, а также с целью уточнения интерпретаций социальной справедливости (как основного фактора политической мобилизации) в различных слоях населения, отдельных территорий, наиболее адекватным инструментом является проведение мониторинговых социологических исследований.

Данные исследования могут раскрыть взаимосвязи между а) взглядами на социальную справедливость и динамикой политических идей между членами локального и/или регионального сообщества, б) конкуренцию/сопоставимость взглядов и представлений, в) а также – вскрыть связь между политическими настроениями, доминирующими в обществе, вступающими в конкурентные отношения с взглядами и идеями маргинальных сообществ, способных повлиять на существующую социальную динамику и как

результат: г) привести к политическим и социальными конфликтам.

Таким образом, регулярный мониторинг преобладающих в обществе социальных ценностей и, в том числе, массовых интерпретаций ценности социальной справедливости, позволяет адекватно оценивать политическую ситуацию в регионе и прогнозировать полити-

ческие изменения и конфликты. Социальная и политическая напряженность может долго существовать в латентной форме, выявить подобные социально-политические состояния позволяют исследования социальных, культурных и морально-нравственных ценностей, массовых идеалов, представлений, духовных и социальных идей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1988. 288 с.
2. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 271 с.
3. Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 20: Региональные конфликты: моделирование, мониторинг, менеджмент. М.: Едиториал УРССС, 2003. 464 с.
4. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2002. 288 с.
5. Демократия. Власть Элиты: Демократия VS элитократия: сб.ст. / [под ред. Я.А. Пляйса]. М.: РОССПЭН, 2010. 356 с.
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. М.: Политиздат, 1983. 905 с.
7. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: «Refl-book», 1994. 386 с.
8. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 6-18.
9. Соколов С.В. Социальная конфликтология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 327 с.
10. Социальная политика современной России: социологический анализ тенденций инклюзии / Под ред. Д.В. Зайцева и В.Н. Ярской. Саратов, СГТУ. 2010. 286 с.
11. Барышная Н.А. Национализм: региональный уровень. Саратов, Издательский центр «Наука», 2013. 381 с.
12. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: В 2-х т. Новосибирск, 1998. Т. 1. 240 с.
13. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация: беда, вина или ресурс человечества? М., 2007. 591 с.
14. Гудков Л.Д. Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011. 30 с.
15. Лотман Ю.М. Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. 256 с.
16. Ежегодные доклады о состоянии социально-политических и социально-экономических отношений в РФ на сайтах: ФОМ (<http://fom.ru/obshchestvo/11090>), ВЦИОМ (http://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/), Левада-центр (<http://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>)
17. Никовская Л., Якимец В. Публичная политика в регионах России: характеристика типов и ресурсвайния // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1(16). С. 224-236.
18. Симагин Ю.А. Деревня и город – справедливые и несправедливые неравенства // Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России. М., 2003. С. 256-257.
19. Чурносков И.М. Баланс равенства и свободы в концепции справедливости Джона Ролза // Философия и культура. 2014. № 4. С. 525 – 534. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.4.11339.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Turen A. Vozvrashchenie cheloveka deistvuyushchego. Ocherk sotsiologii. M.: Nauchnyi mir, 1988. 288 s.
2. Lebedeva M.M. Politicheskoe uregulirovanie konfliktov. M.: Aspekt-Press, 2004. 271 s.
3. Sotsial'nye konflikty: ekspertiza, prognozirovanie, tekhnologii razresheniya. Vyp. 20: Regional'nye konflikty: modelirovanie, monitoring, menedzhment. M.: Editorial URSSS, 2003. 464 s.
4. Darendorf R. Sovremennyi sotsial'nyi konflikt. Ocherk politiki svobody / Per. s nem. M.: ROSSPEN, 2002. 288 s.
5. Demokratiya. Vlast' Elity: Demokratiya VS elitokratiya: sb.st. / [pod red. Ya.A. Plyaisa]. M.: ROSSPEN, 2010. 356 s.
6. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. T. 1. Kn. 1. M.: Politizdat, 1983. 905 s.
7. Markuze G. Odnomernyi chelovek. M.: «Refl-book», 1994. 386 s.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МОНИТОРИНГ

8. Darendorf R. Elementy teorii sotsial'nogo konflikta // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1994. № 5. S. 6-18.
9. Sokolov S.V. Sotsial'naya konfliktologiya. M.: YuNITI-DANA, 2001. 327 s.
10. Sotsial'naya politika sovremennoi Rossii: sotsiologicheskii analiz tendentsii inklyuzii / Pod red. D.V. Zaitseva i V.N. Yarskoi. Saratov, SGTU. 2010. 286 s.
11. Baryshnaya N.A. Natsiestroitel'stvo: regional'nyi uroven'. Saratov, Izdatel'skii tsentr «Nauka», 2013. 381 s.
12. Akhiezer A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta: V 2-kh t. Novosibirsk, 1998. T. 1. 240 s.
13. Naumova N.F. Retsidiviruyushchaya modernizatsiya: beda, vina ili resurs chelovechestva? M., 2007. 591 s.
14. Gudkov L.D. Abortivnaya modernizatsiya. M.: ROSSPEN, 2011. 30 s.
15. Lotman Yu.M. Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti. M., 1987. 256 s.
16. Ezhegodnye doklady o sostoyanii sotsial'no-politicheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh otnoshenii v RF na saitakh: FOM (<http://fom.ru/obshchestvo/11090>), VTsIOM (http://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/), Levada-tsentr (<http://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>)
17. Nikovskaya L., Yakimets V. Publichnaya politika v regionakh Rossii: kharakteristika tipov i resurs vliyaniya // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2011. № 1(16). S. 224-236.
18. Simagin Yu.A. Derevnaya i gorod – spravedlivye i nespravedlivye neravenstva // Spravedlivye i nespravedlivye sotsial'nye neravenstva v sovremennoi Rossii. M., 2003. S. 256-257.
19. Churnosov I.M. Balans ravenstva i svobody v kontseptsii spravedlivosti Dzhona Rolza // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 4. С. 525 – 534. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.4.11339.